БЛОК 3 ДОБРОТА

15.3 Как Вы понимаете значение слова **ДОБРОТА**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему **«Что такое доброта»**.

Текст 3.1

(1)На первой перемене Жека укладывал в портфель учебники. (2)Мчавшаяся между партами Лисапета Вторая задела портфель – он, перевернувшись, брякнулся об пол. (3)Из него покатились шариковые ручки, какие-то гвоздики и шурупы, а ещё веером разлетелась пачка больших цветных портретов.

(4)С неожиданной суетливостью Жека метнулся их подбирать, отталкивая любопытных. (5)Но кто-то успел поднять несколько глянцевых листов. (6)И здесь началось...

– (7)Ребята, он сдвинулся по фазе! (8)Он артисток собирает!

(9)Стиснув до побеления губы, зыркая исподлобья, Жека пытался отнять портреты, а их перебрасывали с парты на парту, передавали по кругу – началась детская игра «А ну-ка, отними!»...

(10)Вошла учительница – все кинулись по местам, и начался урок. (11)Лисапета Вторая нацарапала записочку Вере, своей соседке по парте: «Жеку теперь засмеют!»

(12)Вера незаметно обернулась к Жеке. (13)Тот сидел сгорбясь – локти в парту, кулаки под закаменевшим подбородком, – взглядом упирался в одну точку – от всех отгорожен, замкнут, защёлкнут на замок. (14)Просто дикарь, да и только.

(15)После урока Лисапета подскочила к Вере:

– (16)Верка, я кое-что тебе расскажу, и ты просто умрёшь от удивления! (17)Я видела на почтамте, как Жека отправлял толстые конверты!

– (18)Кому отправлял?

(19)Лисапета, конечно, была неплохая девчонка, но, когда она появлялась, сразу хотелось съёжиться – так она суетилась и вращалась. (20)Казалось, будто Лисапета находится в нескольких местах сразу.

– (21)Помнишь, в нашем классе училась Лиза Ракитина, которая на север уехала? (22)Вот этой Лизке он и отправлял письма!

– (23)Не врёшь?

– (24)Верка, я своими глазами видела: город Норильск, улица, дом, и вот такими буквами – Е. Ракитиной!.. (25)Я специально подошла поближе, чтобы адрес прочитать! (26)Она уехала, а он, представь, страдает! (27)Вот завтра в классе посмеёмся!

– (28)Тебе его не жалко?

– (29)Хоть одну-то извилину надо иметь! (30)Кому нужны эти дурацкие тайны? – фыркнула Лисапета. – (31)И эта Лизка Ракитина тоже хороша! (32)Помню, как она собирала этих актёров, чьи фотографии из журнальчиков выстригала! (33)Мещанка!

– (34)Она совсем не мещанка. (35)Просто она плохо видит. (36)Сидит в кино, а видит одни пятна, и ей хотелось запомнить актёров… (37)Вот он и отправляет ей открытки любимых актёров... (38)А Лизка Ракитина больше не живёт в Норильске! (39)Опять переехала, а он, наверное, не знает.

(40)Лисапета вдруг явственно увидела, как толстые Жекины конверты, обклеенные марками, цепочкой движутся на север, к городу Норильску. (41)Летят, будто стая гусей. (42)Их сбивает ветром, и они теряются где-то в снегах, пропадают бесследно. (43)И ей почему-то стало очень жалко, что эти письма не дойдут до своего адресата... (По Э.Ю. Шиму)*

** **Шим Эдуард Юрьевич** (1930–2006) – русский советский писатель, драматург. Автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.*

Текст 3.2

(1)У Юры Хлопотова была самая большая и интересная коллекция марок в классе. (2)Из-за этой коллекции и отправился Валерка Снегирёв к своему однокласснику в гости.

(3)Когда Юра начал вытаскивать из массивного письменного стола огромные и почему-то пыльные альбомы, прямо над головами мальчишек раздался протяжный и жалобный вой...

– (4)Не обращай внимания! – махнул рукой Юрка, сосредоточенно ворочая альбомы. – (5)Собака у соседа!

– (6)Почему же она воет?

– (7)Откуда я знаю. (8)Она каждый день воет. (9)До пяти часов. (10)В пять перестаёт. (11)Мой папа говорит: если не умеешь ухаживать, не заводи собак...

(12)Взглянув на часы и махнув рукой Юре, Валерка в прихожей торопливо намотал шарф, надел пальто. (13)Выбежав на улицу, перевёл дух и нашёл на фасаде дома Юркины окна. (14)Три окна на девятом этаже над квартирой Хлопотовых были неуютно темны.

(15)Валерка, прислонившись плечом к холодному бетону фонарного столба, решил ждать, сколько понадобится. (16)И вот крайнее из окон тускло засветилось: включили свет, видимо, в прихожей...

(17)Дверь открылась сразу, но Валерка даже не успел увидеть, кто стоял на пороге, потому что откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился Валерке под ноги.

(18)Валерка почувствовал на своём лице влажные прикосновения тёплого собачьего языка: совсем крошечная собака, а прыгала так высоко! (19)Он протянул руки, подхватил собаку, и она уткнулась ему в шею, часто и преданно дыша.

– (20)Чудеса! – раздался густой, сразу заполнивший всё пространство лестничной клетки голос. (21)Голос принадлежал щуплому невысокому человеку.

– (22)Ты ко мне? (23)Странное, понимаешь, дело... (24)Янка с чужими... не особенно любезна. (25)А к тебе – вон как! (26)Заходи.

– (27)Я на минутку, по делу.

(28)Человек сразу стал серьёзным.

– (29)По делу? (30)Слушаю.

– (31)Собака ваша... Яна... (32)Воет целыми днями.

(33)Человек погрустнел.

– (34)Так... (35)Мешает, значит. (36)Тебя родители прислали?

– (37)Я просто хотел узнать, почему она воет. (38)Ей плохо, да?

– (39)Ты прав, ей плохо. (40)Янка привыкла днём гулять, а я на работе. (41)Вот приедет моя жена, и всё будет в порядке. (42)Но собаке ведь не объяснишь!

– (43)Я прихожу из школы в два часа... (44)Я бы мог гулять с ней после школы!

(45)Хозяин квартиры странно посмотрел на непрошеного гостя, затем вдруг подошёл к пыльной полке, протянул руку и достал ключ.

– (46)Держи.

(47)Пришло время удивляться Валерке.

– (48)Вы что же, любому незнакомому человеку ключ от квартиры доверяете?

– (49)Ох, извини, пожалуйста, – мужчина протянул руку. – (50)Давай знакомиться! (51)Молчанов Валерий Алексеевич, инженер.

– (52)Снегирёв Валерий, ученик 6-го «Б», – с достоинством ответил мальчишка.

– (53)Очень приятно! (54)Теперь порядок?

(55)Собаке Яне не хотелось спускаться на пол, а потом она бежала за Валеркой до самой двери.

– (56)Собаки не ошибаются, не ошибаются... – бурчал себе под нос инженер Молчанов.

(По В.К. Железникову)*

** **Железников Владимир Карпович** (род. в 1925 г.) – современный детский писатель, кинодраматург. Его произведения, посвящённые проблемам взросления, стали классикой отечественной детской литературы и переведены на многие языки мира.*

Текст 3.3

– (1)Няня, где Жучка? – спрашивает Тёма.

– (2)Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод, – отвечает няня. – (3)Весь день, говорят, визжала, сердечная...

(4)Мальчик с ужасом вслушивается в слова няни, и мысли роем теснятся в его голове. (5)У него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя засыпает. (6)Он просыпается от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку, но она срывалась и вновь падала на дно колодца.

(7)Решив немедленно идти спасать свою любимицу, Тёма на цыпочках подходит к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, выходит на террасу. (8)На дворе светает.

(9)Подбежав к отверстию колодца, он вполголоса зовёт:

– (10)Жучка, Жучка!

(11)Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно визжит.

– (12)Я сейчас тебя вызволю! – кричит он, точно собака понимает его.

(13)Фонарь и два шеста с перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец. (14)Но этот так хорошо обдуманный план неожиданно лопнул: как только приспособление достигло дна, собака сделала попытку схватиться за него, но, потеряв равновесие, свалилась в грязь.

(15)Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, заставляет Тёму решиться на выполнение второй части сна – самому спуститься в колодец. (16)Он привязывает верёвку к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. (17)Он сознаёт только одно: времени терять нельзя ни секунды.

(18)На мгновенье в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки. (19)Это успокаивает его, и он спускается дальше.

(20)Жучка, опять усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию. (21)Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

(22)Не теряя времени, Тёма обвязывает вожжами собаку, затем поспешно карабкается наверх. (23)Но подниматься труднее, чем спускаться! (24)Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. (25)Страх охватывает его, но он подбадривает себя дрожащим от ужаса голосом:

– (26)Не надо бояться, не надо бояться! (27)Стыдно бояться! (28)Трусы только боятся! (29)Кто делает дурное – боится, а я дурного не делаю, я Жучку вытаскиваю, меня мама с папой за это похвалят.

(30)Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил. (31)Таким образом, незаметно его голова высовывается наконец над верхним срубом колодца. (32)Сделав последнее усилие, он выбирается сам и вытаскивает Жучку. (33)Но теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его, и он падает в обморок. (По Н. Гарину-Михайловскому)*

** **Гарин-Михайловский Николай Георгиевич** (1852–1906) – русский писатель. Самым известным его произведением стала повесть «Детство Тёмы», с которой он начал своё литературное творчество.*

Текст 3.4

(1)По пути домой стало думаться о бабушке. (2)Сейчас, со стороны, она казалась такой слабой и одинокой. (3)А тут ещё эти ночи в слезах, словно наказание. (4)И с какой, верно, тягостью ждёт она ночи.

(5)Все люди пережили горькое и забыли, а у бабы Дуни оно всплывает в памяти снова и снова. (6)Про бабушку думать было больно. (7)Но как помочь ей?

(8)Раздумывая, Гриша шёл неторопливо, и в душе его что-то теплело и таяло, там что-то жгло и жгло.

(9)За ужином он выпил крепкий чай, чтобы не сморило. (10)Выпил чашку, другую, готовя себя к бессонной ночи.

(11)И пришла ночь. (12)Потушили свет. (13)Гриша не лёг, а сел в постели, дожидаясь своего часа. (14)И вот когда, наконец, из комнаты бабушки донеслось ещё невнятное бормотание, он поднялся и пошёл. (15)Свет в кухне зажёг, встал возле кровати, чувствуя, как охватывает его невольная дрожь и сердце замирает в страшном предчувствии.

– (16)Карточки! (17)Куда подевались хлебные карточки? (18)В синем платочке. (19)Люди добрые! (20)Ребятишки! (21)Домой приду, они есть попросят! (22)Хлебец дай, мамушка. (23)А мамушка ихняя!..

(24)Баба Дуня запнулась, словно ошеломлённая, и закричала:

– (25)Люди добрые! (26)Не дайте помереть! (27)Петяня! (28)Шура! (29)Таечка!

(30)Имена детей она словно выпевала, тонко и болезненно, и слёзы, слёзы подкатывали.

(31)Гриша глубоко вздохнул, чтобы крикнуть громче, приказать,
и бабушка перестанет плакать, и даже ногу приподнял – топнуть. (32)Чтобы уж наверняка.

– (33)Хлебные карточки, – в тяжкой муке, со слезами выговаривала баба Дуня.

(34)Сердце мальчика облилось жалостью и болью. (35)Забыв обдуманное, он опустился на колени перед кроватью и стал убеждать, мягко, ласково:

– (36)Вот ваши карточки, бабаня. (37)В синем платочке, да? (38)Ваши в синем платочке? (39)Это ваши, вы обронили. (40)А я поднял. (41)Вот видите, возьмите, – настойчиво повторял он. – (42)Все целые, берите.

(43)Баба Дуня смолкла. (44)Видимо, там, во сне, она всё слышала и понимала. (45)Не сразу пришли слова. (46)«Мои, мои! (47)Платочек мой, синий. (48)Люди скажут. (49)Мои карточки, я обронила. (50)Спаси Христос, добрый человек!»

(51)По голосу её Гриша понял, что сейчас она заплачет.

– (52)Не надо плакать, – громко сказал он. – (53)Карточки целые. (54)Зачем же плакать? (55)Возьмите хлеба и несите детишкам. (56)Несите, поужинайте и ложитесь спать, – говорил он, словно приказывал. – (57)И спите спокойно. (58)Спите.

(59)Баба Дуня смолкла.

(60)Гриша подождал, прислушался к ровному бабушкиному дыханию, поднялся. (61)Его бил озноб. (62)Какой-то холод пронизывал до костей. (63)И нельзя было согреться. (64)Печка была ещё тепла. (65)Он сидел у печки и плакал. (66)Слёзы катились и катились. (67)Они шли от сердца, потому что сердце болело и ныло, жалея бабу Дуню и кого-то ещё. (68)Он не спал, но находился в странном

забытьи, словно в годах далёких, иных, и в жизни чужой, и виделось ему там, в этой жизни, такое горькое, такая беда и печаль, что он не мог не плакать. (69)Он плакал, вытирая слёзы кулаком.

(По Б. Екимову) *

* *Екимов Борис Петрович (род. в 1938) – русский советский публицист и прозаик.*

Текст 3.5

(1)Сколько маленький Коля помнил себя в войну, он всегда был голодным. (2)Черноволосый, взъерошенный, с проступающими рёбрышками, он был похож на маленького исхудалого волчонка, и его ввалившиеся глаза постоянно искали добычу.

(3)Когда война подходила к концу, мать посеяла на огороде полоску пшеницы. (4)Собрав первый урожай, бабушка на радостях испекла два коржа величиной с подсолнух. (5)Коржи были пахучие, румяные. (6)Они светились, как два маленьких посоленных солнца.

(7)Мальчик сидел перед столом, ждал, когда ж его угостят, и вдыхал в себя тёплый дух испечённого хлеба. (8)Наконец бабушка подошла к нему и сказала:

– (9)Отведай, внучок, моего коржа.

(10)Корочка обжигала губы, соль пощипывала язык, ноздри раздувались, боясь упустить толику вкусного запаха. (11)Корж таял

с неудержимой силой, и вскоре его не стало...

(12)Коля тяжело вздохнул. (13)А второй корж, румяный, целёхонький, лежал на столе и призывно улыбался всей своей рожицей.

– (14)Отнеси этот корж деду, – сказала бабушка.

(15)Дед был очень старым и жил на пасеке. (16)Домой он приходил в те редкие дни, когда на огороде топили прокопчённую, покосившуюся баньку.

(17)Дед сидел перед пчелиным водопоем – перед желобком, по которому текла вода. (18)Пчёлы облепили желобок и пили, опуская хоботки в прохладную воду. (19)Дед подставлял руку, и вода стекала ему в ладонь. (20)Он пил эту сладковатую пчелиную воду.

(21)Дед не стал есть гостинец, а отнёс его в шалаш. (22)До чего же он жадный, этот дед! (23)Совсем, видно, одичал со своими пчёлами. (24)Он специально спрятал корж, чтобы не делиться и потом спокойно жевать его, макая в липкий гречишный мёд.

(25)Коля собрался уходить. (26)В последнюю минуту, когда дед протянул котомку с грязным бельём, Коля чуть не попросил у деда кусочек коржа, но сумел побороть минутную слабость.

(27)Он шёл не спеша, размахивая котомкой, и думал о том, что, когда кончится война, в доме будет много хлеба и он будет есть коржи утром, в обед и вечером.

(28)Дома он сунул бабушке котомку и буркнул:

– (29)Дед велел простирнуть!

(30)Бабушка молча принялась выкладывать на лавку дедушкино бельишко. (31)На дне котомки оказалась чистая тряпица, завязанная узлом, в которой лежал корж. (32)Она ничего не сказала и положила нежданный гостинец перед внуком.

(33)Радостный огонёк вспыхнул в его глазах. (34)Он проглотил слюну, предвкушая угощение, и протянул руку к коржу. (35)Но какое-то незнакомое чувство удержало его руку. (36)Это чувство оказалось сильнее голода, важнее хлеба.

(37)Коля сполз со скамейки и пошёл прочь... (38)Но через некоторое время он вернулся, взял со стола остывший корж, аккуратно завернул его в чистую тряпицу и положил в дедушкин сундук, где лежали старые сапоги, мешок с самосадом и штык, привезённый с прошлой войны.

(По Ю.Я. Яковлеву) *

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – советский писатель и сценарист, автор книг для подростков и юношества, сценариев игровых и анимационных фильмов.*

Текст 3.6

(1)Сталинград безжалостно бомбили день и ночь.

(2)В один из дней Чуянову позвонил Воронин.

– (3)Беда! – сообщил он. – (4)Утром один гад из облаков вывернулся и свалил фугаску в полтонны прямо... прямо на завод, где, сам знаешь, сколько народу собралось.

(5)Убитых похоронили, раненых развезли по больницам, но в мёртвом здании завода осталась девушка – Нина Петрунина. (6)Жива! (7)Но вытащить её нет сил. (8)Ей ноги стеной придавило, а стена едва держится. (9)Кажется, чуть дохни на неё – и разом обрушится. (10)Семнадцать лет. (11)Жить хочется. (12)Красивая... уж больно девка-то красивая!

– (13)Спасти надо! – крикнул Чуянов. – (14)Во что бы то ни стало. (15)Я сам приеду. (16)Сейчас же.

(17)Люди тогда уже привыкли к смерти, и, казалось бы, что им ещё одна? (18)Но город взбурлил, имя Нины стало известно всем, а равнодушных не было. (19)Всюду, куда ни приди, слышалось:

– (20)Ну как там наша Нина? (21)Спасут ли... вот горе!

(22)Разве так не бывает, что судьба одного человека, доселе никому не известного, вдруг становится средоточием всеобщего сострадания, и множество людей озабоченно следят за чужой судьбой, которая их волнует и в которой подчас выражена судьба многих.

(23)Чуянов приехал. (24)Воронин ещё издали крикнул ему:

– (25)Не подходи близко! (26)Стена вот-вот рухнет...

(27)Нина Петрунина лежала спокойно, и Чуянов до конца жизни не забыл её прекрасного лица, веера её золотистых волос, а ноги девушки, уже раздробленные, покоились под громадной и многотонной массой полуразрушенной заводской стены, которая едва-едва держалась. (28)Здесь же сидела и мать Нины.

(29)Чуянов лишь пальцами коснулся её плеча, сказал:

– (30)Сейчас приедут... укол сделают, чтобы не мучилась.

(31)Нину кормили, всё время делали ей болеутоляющие уколы, и время от времени она спрашивала:

– (32)Когда же, ну когда вы меня спасёте?..

(33)Явились добровольцы – солдаты из гарнизона.

– (34)Ребята, – сказал им Чуянов, – как хотите, а деваху надо вытащить. (35)Орденов вам не посулю, но обедать в столовой обкома будете... (36)Выручайте!

(37)Лучше мне не сказать, чем сказали очевидцы: «Шесть дней продолжалась смертельно опасная работа. (38)Бойцы осторожно выбивали из стены кирпичик за кирпичиком и тут же на место каж-

дого выбитого кирпича ставили подпорки». (39)Кирпич за кирпичом – укол за уколом. (40)Наконец Нину извлекли из-под разрушенной стены.

(41)Наверное, сказалось давнее и природное свойство русских людей – сопереживать и сострадать чужому горю; это прекрасное качество русского народа, ныне почти утерянное и разбазаренное в его массовом эгоизме. (42)Тогда это качество было ещё живо, и оно не раз согревало людские души... (43)Подумайте: ведь эти солдаты-добровольцы из сталинградского гарнизона понимали, что, спасая Нину, каждую секунду могли быть погребёнными вместе с нею под обвалом стены!

(По В. Пикулю) *

* *Пикуль Валентин Саввич (1928–1990) – советский писатель, автор многочисленных художественных произведений.*

Текст 3.7

(1)Утро дышало свежестью. (2)Над рекой висел прозрачный туман, но солнечные лучи уже золотили тихую гладь. (3)Поднимавшийся берег покрывала изумрудная трава, испещрённая бесчисленными искорками росы. (4)Воздух, насыщенный пряными ароматами диких цветов, застыл. (5)Тихо – лишь в зарослях камыша у самой воды колокольцами звенели комары. (6)Вадимка сидел на берегу и смотрел, как старый тополь роняет белоснежные, кружащиеся в застывшем воздухе пушинки и как они белыми корабликами плывут по реке. (7)Тонкое поскуливание нарушило спокойствие утра.

(8)Мальчик вздрогнул – вспомнил, зачем пришёл сюда. (9)Слёзы подступили к горлу, стали душить, но он сдержался – не заплакал.

(10)Вчера ощенилась Жучка: принесла четверых. (11)Мать увидела Жучкин живот и давай причитать на всю деревню! (12)«Не углядел! (13)Сколько раз говорила: не пускай собаку со двора! (14)Что прикажешь
с ними делать?»

(15)Виноват Вадимка. (16)И спрос теперь с него. (17)Мать приказала
к вечеру от щенят избавиться – утопить. (18)Легко сказать, а вот попробуй, исполни... (19)Они хоть маленькие, слепые, а живые существа!

(20)Представить, как Жучкиных щенят топить будет, Вадимка не мог. (21)Казалось, чего проще: оставь мешок у воды – река сама сделает своё дело – и гуляй без хлопот и забот...

(22)Вадимка так не сумел бы. (23)Размазывая грязными ладонями слёзы, утёр лицо, сложил щенят обратно и решительно направился в деревню.

(24)У сельпо в ожидании утреннего хлеба толпился народ – всё больше женщины. (25)Увидав знакомое лицо, Вадимка подошёл к крылечку.

– (26)Здравствуйте, тётя Маша, – заливаясь краской, обратился
к дородной женщине.

– (27)Здорово! (28)Чего в мешке? – сразу заинтересовалась любопытная тётя Маша.

– (29)Сейчас покажу! – засуетился Вадимка. – (30)Щенки Жучкины. (31)Может, возьмёте?

– (32)Разве щенки? (33)Крысята какие-то, – сострила женщина. (34)Собравшиеся вокруг прыснули.

– (35)Маленькие ещё – вчера родились...

– (36)Раз вчера, то неси-ка их к мамке. (37)Вона разревелись – жрать хотят.

– (38)Не могу. (39)Мать запретила с ними домой возвращаться... (40)Может, всё-таки возьмёте?

(41)Но женщины, потеряв к мешку интерес, одна за другой расходились. (42)Сельпо открыли, и тётя Маша деловито направилась к дверям. (43)Вздохнув, мальчик уныло поплёлся прочь.

– (44)Вадик, постой!

(45)Вадимка обернулся: Николай Егорыч – колхозный ветеринар, давний приятель отца.

– (46)Ты вот что, ступай к деду Борису – охотнику. (47)У него Сильва, между прочим, ощенилась, восемь штук принесла. (48)Может, возьмёт старик твоих-то.

(49)Окрылённый, мчался Вадимка к дому охотника...

(По А. Никольской) *

* *Никольская Анна (род. в 1979 г.) – современная российская детская писательница.*

Текст 3.8

(1)Федя учился в новой школе. (2)Его старый дом пошёл на слом, а там, во дворе, осталась его голубятня.

(3)Что-то замкнулось в Фёдоре. (4)Пусто было в голове. (5)На уроках, когда его поднимали, он вставал, растерянный, не знающий, что сказать, и ребята уже начали похихикивать над ним, тут же придумав кличку Угрюм Бурчеев. (6)Но Фёдор, казалось, и этого не слышал. (7)Тело его как будто потеряло способность ощущать, а душа – чувствовать. (8)После уроков он садился в автобус и ехал в старый район.

(9)В один из таких приездов экскаваторщик, грузивший щебень в самосвал, крикнул Фёдору:

– (10)Эй, парень! Убирай свою голубятню! (11)Завтра будем рыть котлован.

(12)Фёдор онемело смотрел на развалины деревянного дома. (13)Вот и всё. (14)Даже голубей не будет. (15)Он стал выпускать приручённых птиц, но не так, как всегда: брал каждого голубя, гладил по головке и бросал кверху. (16)Птицы хлопали крыльями, рвались вылететь стаей, как им было привычно, но он пускал их поодиночке, прощаясь с каждым.

(17)Птицы носились в прозрачном осеннем небе, а Фёдор медленно и деловито собирал стружку. (18)Она просохла за ясные и сухие дни, кололась, шуршала в руках, издавая мягкий запах дерева.

(19)Стало темнеть, а в темноте голуби сами возвращаются к голубятне, но в этот раз не должны вернуться.

(20)Фёдор поднялся наверх, оглядел старый посёлок. (21)Его уже не было. (22)Несколько бараков кособочились по краям огромной чёрной площади. (23)Там, где жили люди. (24)Где была пыльная дорога. (25)Только голубятня осталась.

(26)Мальчик захлопнул крышку голубятни, медленно чиркнул спичкой, поднёс её к куче стружки и спустился с голубятни.

(27)Пламя рванулось вверх метровым языком, сразу затрещали перегородки и сухие брёвна.

(28)Фёдор поднял голову: голуби носились как ни в чём не бывало.

(29)Он повернулся и побежал.

(30)Народу на остановке было немного, но он полез без очереди, не видя никого. (31)Стоя на задней площадке и прижавшись лбом к стеклу, он старался смотреть на серый и спокойный асфальт. (32)Но не удержался. (33)Помимо его воли, глаза посмотрели в небо. (34)Голуби кружились, не подозревая беды. (35)И Фёдор не выдержал – бросился к двери, стал колотить как сумасшедший.

– (36)Водитель, – закричал кто-то, – остановись, мальчик остановку пропустил!

(37)Троллейбус послушно притормозил, дверь с шипением распахнулась, Фёдор выпрыгнул, зацепившись ногой за порожек, грохнулся на дорогу и ударился коленом. (38)Острая боль пронзила его, и он словно очнулся.

(39)Голуби! (40)Разве их можно бросать? (41)Разве он имел такое право? (42)Кто-то там сказал, какой-то мудрец: мы отвечаем за тех, кого приручили. (43)Он отвечает за голубей.

(44)Фёдор подбежал к голубятне, объятой высоким пламенем. (45)Повисли плотные сумерки, и во мраке, возле пляшущих языков огня, метались молчаливыми тенями обезумевшие голуби.

(46)Фёдор молча поднял руки. (47)Его фигура отбрасывала на землю огромную тень, он заметил её, обернувшись, и сила влилась в него – он показался себе большим и сильным. (48)Голуби узнали его, затрепетали над головой, садились ему на плечи, он брал их, воркующих, встревоженных, и прятал под куртку, за пазуху.

(По А. Лиханову) *

** Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – современный детский и юношеский писатель, журналист и общественный деятель..*

Текст 3.9

(1)Прошло много лет после того, как я уехал из деревни своего детства. (2)Мне хотелось попасть туда, потому что страна детства лежит в необыкновенно звонкой и тихой местности. (3)Где бы я ни был, но никогда я не видел такого неба, таких прозрачных рассветов, когда проснёшься и вдруг замрёшь от боли, что ты проспал что-то очень важное, и хочется вскочить
и бежать за зубчатые горы, узнать, что лежит за ними.

(4)И вот случилось так, что судьба забросила меня в страну моего детства. (5)Здесь ничего не изменилось. (6)Я обошёл знакомые мне места, с радостью узнавая их. (7)Вдруг остановился: навстречу мне шёл Шарик – мой Шарик! (8)Я давно забыл о нём, а он вот ковыляет по-стариковски мне навстречу и всё ещё не видит меня. (9)Я вспомнил, как мы делили с ним наши горькие дни, ведь

он был единственным моим другом, как он провожал меня до бетонной дороги, не подозревая, что я уезжаю навсегда. (10)Он стал совсем седым и старым.

– (11)Шарик! – окликнул я его дрогнувшим голосом.

(12)Он вздрогнул, испуганно остановился, но тут же отвернулся
и свернул с тропы.

– (13)Шарик!

(14)Но он даже не оглянулся. (15)Я видел, что он узнал меня, но не хотел узнавать человека, которого считал лучшим другом, который предал его, бросив на произвол судьбы. (16)Эта встреча была неприятна ему…

(17)Мне было стыдно. (18)Весь следующий день я думал о Шарике, пытался убедить себя, что не очень виноват в случившемся: куда я мог его тогда взять, ведь я сам не знал, куда мне приткнуться. (19)Но он ведь был твоим лучшим другом! (20)И разве есть ему дело до таких тонкостей?!

(21)А потом я встретил одноклассника. (22)Он рассказал мне, что Шарик очень скучал после моего отъезда, всё искал меня, бегал на дорогу, выл по ночам…

(23)Я ходил по деревне в надежде встретить Шарика, но он, завидев меня, из последних своих старческих сил убегал от меня. (24)Но потом заскулил, лёг и закрыл глаза.

– (25)Шарик! – я припал лицом к его холодной морде. – (26)Ну, прости меня, прости! – я гладил его седую, всю в репьях голову.

(27)…На следующий день я уезжал. (28)За остановкой я увидел Шарика: он тайком пришёл проститься. (29)Я бросился рядом с ним на землю и вдруг неожиданно для себя заплакал. (30)Шарик стал лизать мои руки, щёки, в нём неожиданно появилось что-то из давних лет – из детства.

– (31)Ну ладно, старина, прощай. (32)Прости меня за всё, если сможешь.

(33)Глаза его сразу потускнели, словно в них бросили горсть золы, но он пересилил себя, понимающе вильнул поникшим хвостом, словно хотел улыбнуться, но улыбки не получилось.

(34)Автобус тронулся. (35)Старый и седой, Шарик сидел в клубах дорожной пыли и угрюмо смотрел в землю…

– (36)Стой! (37)Тормози!

(38)Водитель, недовольный, остановил автобус, и я, видя только счастливые глаза Шарика и уже не поникший хвост, выскочил на пыльную просёлочную дорогу. (39)Выскочил, чтобы уже больше никогда не расставаться с самым преданным в моей жизни другом…

(По М.А. Чванову*)

**** Михаил Андреевич Чванов*** *(род. в 1944 г.) – русский писатель, публицист, директор мемориального дома-музея С.Т. Аксакова.*

Текст 3.10

(1)Метрах в пяти от огромного офисного здания на обледенелом грязном асфальте стояла на трёх ногах худая бездомная собака со слезящимися глазами и кого-то высматривала в дверях. (2)Больная нога, видимо, мёрзла, и собака, прижимая её к животу, невольно приседала.

(3)Выражающим муку, загнанным взглядом она равнодушно провожала одних, заискивающе виляла хвостом перед другими, третьи бросали ей что-то вроде: «Ну что, Жучка?» – и её глаза загорались надеждой. (4)Но машинально заметившие её уже забывали о ней и равнодушно уходили или

брезгливо отмахивались, и её слезящиеся глаза тухли, и она опять приседала, поджимая под себя больную ногу.

(5)И я понял, что она никого не ждёт, а выбирает себе хозяина. (6)Бездомная жизнь, без сомнения, была ей уже невмоготу, и она выбирала хозяина. (7)Она дрожала от холода, была голодна, и глаза её, худое тело, хвост умоляли: «Ну, посмотрите на меня кто-нибудь, ну, возьмите меня кто-нибудь, а я отвечу вам такой любовью!..» (8)Но усталые люди шли дальше. (9)Бедная собака порывалась идти то за одним, то за другим, даже делала несколько шагов вслед, но тут же возвращалась.

(10)Она остановила свой выбор на молодой женщине, такой же усталой. (11)Женщина скользнула взглядом по собаке и прошла мимо, но собака пошла за ней, сначала неуверенно, потом решительно и безоглядно. (12)Женщина случайно оглянулась, увидела собаку, сразу преданно завилявшую хвостом, но тут же пошла дальше. (13)Собака легла и положила голову на лапы. (14)Она уже не ласкалась униженно, она просто ждала, не сводя с женщины глаз. (15)Женщина что-то сказала ей, и собака завиляла хвостом и почти на брюхе подползла к её ногам.

(16)Женщина достала из сумки булку, положила её перед собакой, но та не ела, глядела в глаза женщине: она понимала, что от неё хотят отделаться подачкой.

(17)Тогда женщина опустилась на корточки и погладила её по голове, протянула ей булочку, и собака начала есть, то и дело поглядывая на женщину: она боялась, что та уйдёт. (18)Женщина всё гладила собаку и что-то тихо и печально говорила так же печально вздрагивающей животине. (19)Потом достала из сумки ливерный пирожок, положила его перед собакой и быстро, не оглядываясь, пошла.

(20)Собака, оставив недоеденный пирожок, побежала за женщиной, заскулила, та растерянно остановилась.

– (21)Ну, что мне с тобой делать? – почти со слезами спросила женщина.

(22)Собака благоговейно смотрела на неё.

(23)Женщина вынула из сумки конфету, положила перед собакой. (24)Та взяла – просто из вежливости, чтобы не обидеть, чтобы не спугнуть своего счастья, и уже уверенней побежала за женщиной. (25)Так они
и скрылись за углом.

(26)Почему из сотен других собака выбрала именно эту женщину?..

(По М.А. Чванову*)

Текст 3.11

(1)Я тащился по улице и вдруг увидел толпу… (2)Мальчишек десять, старшеклассники, а сбоку, в сторонке, стоял Газовый Баллон, главный зачинщик всех самых «неправильных», бесчестных дел.

(3)Мальчишки торопливо наклонялись к земле, лепили снежки
и швыряли в стену нового дома: там, по шероховатой бетонной стене, карабкалась белка.

(4)Мальчишки веселились, пуляли в стену снежками, а белка перебиралась смелыми короткими рывками всё выше и выше, к самой крыше, цепляясь неизвестно за что. (5)Тайга была рядом, белки забегали
в посёлок нередко, но по деревьям они легко удирали назад, а этой не повезло, она, наверное, перебегала по земле, когда её заметили, метнулась
к дому и теперь карабкалась по стене, беззащитная перед ударами снежков.

(6)Снежные снаряды, словно пушечные ядра, с глухим фырканьем разрывались рядом с белкой, она вздрагивала всем маленьким телом, пушистый хвост прижимала к стене, как бы помогая себе даже им.

(7)Десятеро здоровенных головорезов против маленькой беззащитной белки! (8)Но эти десятеро были людьми. (9)И у каждого на плечах была голова, а в груди – сердце. (10)Газовый Баллон с каменным лицом стоял рядом. (11)С интересом ждал, чем всё кончится.

(12)Кровь возмущённо застучала у меня в висках.

– (13)Вы! – крикнул я, дрожа от ненависти. – (14)Вы, гады! (15)Что делаете!

(16)Газовый Баллон обернулся ко мне, глаза его хитро сощурились.

– (17)А! Генерал! – закривлялся он. – (18)Опять командуешь!

(19)И захохотал:

– (20)Генерал без войска!

(21)В другой раз я бы сошёл с ума от этих неприятных слов, опять бы что-нибудь выкинул, может быть, а тут едва услышал.

– (22)Прекратите! – заорал я, впившись взглядом в белку, уже еле передвигающуюся по стене.

(23)Возле неё теперь уже не снежки хлопали. (24)Цокали мёрзлые комья земли и камни. (25)И тут белка упала вниз.

(26)Она упала вниз, а я по-прежнему смотрел на стену дома. (27)Там, на шероховатом бетоне, краснело пятнышко…

(28)Я швырнул портфель, надвинул поглубже шапку и, разогнавшись, шарахнул головой в живот здоровому парню. (29)Он охнул, свалился,
а я таранил следующего, следующего. (30)Мальчишки ненадолго опешили, потом я ощутил лицом колючий снег и стал задыхаться в сугробе. (31)Меня лупили по спине, по голове, но я не чувствовал боли, а яростно вертелся, норовя вскочить и протаранить кого-нибудь ещё.

(32)Неожиданно удары стихли. (33)Я отряхнулся. (34)Старшеклассников не было, не было нигде видно и белки. (35)Только Газовый Баллон стоял на своём старом месте.

(36)Губы мои дрожали, а руки тряслись, когда я обтёр тающий снег
с лица и увидел деда. (37)Он тяжело дышал, глядя хмуро на удаляющихся мальчишек.

– (38)Я всё видел, – сказал он, переводя дыхание, – ты молодец!

(По А.А. Лиханову*)

Текст 3.12

(1)Уж если кого Серый и выделял из класса, так это Наталью Лоскутикову. (2)В первую голову – за ум и отличные успехи.

(3)О самом Сером учителя говорили, что он способный, но учиться не хочет. (4)Версию эту Сергей полностью не отрицал, она всё-таки утешала его, но цену себе он знал точную. (5)Что верно, то верно: задачи он решал не то чтобы с лёту, но с единого взгляда. (6)А вот по литературе и по всем другим многоречивым предметам он не мог учиться хорошо. (7)Суть всех этих рассказов, повестей, стихов укладывалась в одной фразе, а учителя требовали развёрнутого ответа. (8)Конечно, Серому слов было не жалко, однако не хотел он ради «пятёрки» говорить столько, сколько тянуло на эту самую «пятёрку». **(**9)Ну что рассказывать про Тараса Бульбу? (10)Запорожец он! (11)А судьба ему досталась – злодейка. (12)Серый семь раз читал повесть и все семь раз плакал.

(13)Короче говоря, школьная жизнь шестиклассника Чумака была очень даже непростой. (14)А Наталью Лоскутикову выделял он не только за ум и за глаза её небесной радости. (15)Главное, что жизнь у неё в школе была ясная, потому что за отметками Наталья не гонялась, они сами к ней липли, как мухи на сладкое.

(16)Вот и нынче урок был «Морские кишечнополостные».
(17)В учебнике даны полипы, коралловые рифы и медузы. (18)А Наталья ещё и про иглокожих доложила. (19)И не просто словечками закидала, взяла мел да и нарисовала всё на доске.

(20)Конечно, «пятёрка»!

(21)Учительница Клара Ниловна говорит:

– (22)Вижу, понравился вам ответ вашего товарища. (23)Но кто же вам мешает так учиться?
(24)Почему Лоскутиковой интересна жизнь моря, а вам, людям, родившимся на море, до этой жизни словно бы и дела нет?

(25)После урока Серый подошёл к Лоскутиковой:

– (26)Наталья, хочешь одну вещь покажу?
– (27)Покажи! – удивилась Лоскутикова.
(28)Они выскочили из школы, забежали за угол. (29)Серый приостановился возле ступенек в подвал, огляделся.

– (30)Наталья, лебеди у меня там, – признался Сергей, – на озере лёд, погибнуть они могут.

(31)Свет в подвал проникал через зарешеченное окошко, и глаза
к темноте привыкли не сразу.

– (32)Тут вода! – поёжилась Лоскутикова возмущённо.

(33)Серый взял Наталью за руку, вывел на сухое место, и тут она увидела: в сумраке маячили лебединые шеи. (34)Серый достал из карманов хлеб, растёр в ладонях, кинул лебедям.

– (35)Это и есть белые лебеди?! – усмехнулась Лоскутикова.
– (36)Самые настоящие, – погордился Серый.
– (37)Да они у тебя не белые, а грязные. (38)Фу, а пахнет-то как!

(39)И Лоскутикова, перебежав на каблучках воду, выскочила из подвала. (40)Серый стоял, недоумённо глядя девочке вслед, и почему-то не хотелось ему больше выделять Лоскутикову ни за ум, ни за глаза её небесной радости…

(По В.А. Бахревскому*)

** **Владислав Анатольевич Бахревский** (род. в 1936 г.) – русский советский писатель, поэт, классик детской литературы.*

Текст 3.13

(1)Каждый обитатель квартиры, в которой жил и я, знал, насколько Уродливый был уродлив.

(2)Местный кот. (3)Обычный такой, не породистый. (4)Он имел только один глаз, а на месте другого зияло отверстие, еле прикрытое кошачьими веками, с той же самой стороны отсутствовало и ухо, а левая нога была когда-то поломана и срослась под каким-то невероятным углом, благодаря чему создавалось впечатление, что кот всё время собирается повернуть за угол. (5)Его хвост давно отсутствовал, остался только маленький огрызок, который постоянно дёргался…

(6)Если бы не множество болячек, его, наверное, можно было бы назвать тёмно-серым полосатым котом со двора. (7)У любого, хоть раз посмотревшего на него, возникала одна и та же реакция: до чего же уродливый кот. (8)Всем детям было категорически запрещено касаться его, а взрослые поливали его из шланга, когда он пытался войти в дом.

(9)Но странное дело: на все действия детей и взрослых Уродливый всегда проявлял одну и ту же реакцию. (10)Если он видел детей, он бежал
к ним и тёрся головой о руки и громко мяукал, выпрашивая ласку. (11)Если кто-нибудь всё-таки брал его на руки, он тут же начинал сосать уголок рубашки или что-нибудь другое, до чего мог дотянуться.

(12)Однажды Уродливый попытался подружиться с соседскими собаками. (13)Из своего окна я услышал его крики и тут же бросился на помощь.

(14)Когда я добежал до него, Уродливый был сильно покусан. (15)Он лежал, свернувшись в клубок, смежив единственный глаз, и след от слезы пересекал его нос. (16)Но что удивительно: пока я нёс его домой, он хрипел, задыхался, но пытался лизнуть меня своим мягким шершавым языком.

(17)Я нёс его домой и больше всего боялся навредить ему ещё больше. (18)А он тем временем пытался лизнуть моё ухо. (19)Я прижал его к себе. (20)Он коснулся головой ладони моей руки, его золотой глаз повернулся
в мою сторону, и я услышал мурлыкание. (21)Даже испытывая такую страшную боль, кот просил об одном – о капельке привязанности! (22)Возможно, о капельке сострадания и любви.

(23)И в тот момент я думал, что имею дело с самым любящим существом из всех, кого я встречал в жизни. (24)Самым любящим и самым красивым. (25)Никогда он даже не попробует укусить, или оцарапать меня, или просто покинуть. (26)А он смотрел на меня, уверенный, что я сумею смягчить его боль, что теперь всё у него будет хорошо, что наконец-то нашёлся настоящий хозяин, которому можно отдать всю силу нерастраченной любви…

(27)Впоследствии я много размышлял о том, как один несчастный кот-калека смог изменить мои представления о том, что такое истинная чистота духа, верная и беспредельная любовь. (28)Так оно и было на самом деле. (29)Уродливый сообщил мне о сострадании больше, чем тысяча книг, лекций, проповедей или разговоров. (30)Настало и для меня время учиться любить верно и глубоко, отдавать ближнему своему всё без остатка…

(По В. Черноречину*)

** **Вадим Черноречин** – современный публицист, блоггер, автор аудиокниг.*